Шостакович Дмитрий

20 газета-с.18

Дмитрий Шостакович — на выставке в Манеже

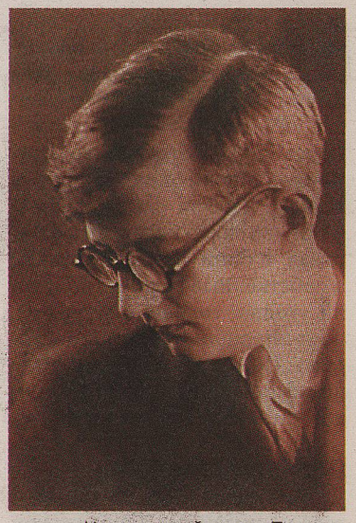
Черно-белого прочтения не получилось

Игорь Чувилин

В московском Манеже открылась выставка «Дмитрий Шостакович. Симфонический век». Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) таким образом отмечает столетие со дня рождения композитора.

РГАЛИ — собрание уникальное. Нет другого места, настолько погруженного в нервную ткань культуры прошедшего века. Дневники и письма известных мастеров дополняются тут изобразительными артефактами, достойными любого музея, — фотографиями, произведениями живописи и графики, попавшими в архив вместе с остальным бумажным хламом, что остается от жизни любого писателя, художника или музыканта. В сочетании интимных записочек с набросками эпохальных шедевров здесь накапливается такое ощущение времени и культурного пространства, которое не выразить кратко, как-нибудь односложно.

Вот, например, Шостакович: лауреат и депутат, всегда готовый собрать чемодан, «если придут», всемирно известный и почитаемый, обруганный коллегами и центральной прессой, пишущий музыку для идеологически безупречных кинофильмов и оперы, «потакающие извращенным вкусам буржуазных слушателей». «Наша партия с таким вниманием следит за ростом всей музыкальной жизни нашей страны. Это внимание я ощущаю на себе в течение всей моей творческой жизни», — говорит Шостакович, непонятно — с отчаянием или благодарностью. Нынешние исследователи колеблются от обвинений в трусости до причисления к тайным диссидентам. Выставка, открывшаяся в Манеже, вердикта не выносит, но некоторый апологетический настрой ощущается. Когда вываливаются на суд публики всяческие подробности, черно-белого прочтения истории уже не получается. Например, то, что композитор был страстным футбольным болельщиком, с наступлением сезона доставал свой «футбольный гроссбух» и рисовал таблицу первенства СССР по футболу, это куда заносить — в плюс или минус? К публичному портрету определенно добавляются черты живого человека, недостающие обычно представлениям о великих людях, и категоричные оценки становятся уже невозможны.



Неизвестный автор. Портрет Дмитрия Шостаковича. 1934. Российский государственный архив литературы и искусства

РГАЛИ достал из своих закромов не только имеющие отношение к юбиляру вещи, но и много параллельных, не напрямую иллюстрирующих жизнь композитора документов. Организаторы пытались выстроить повествование со значительными отступлениями, основываясь, по их словам, на идее симфонизма. Вот начало двадцатых годов: фотоэксперименты Лисицкого (портреты юноши и девушки слиты в единое существо с одним общим глазом на двоих), графика Климента Редько «Замысел формы к строению светозвука», кадры из фильмов Дзиги Вертова, плакаты Маяковского. Вот тридцатые: проект нового здания театра, сделанный Ридманом и Мейерхольдом. На футуристическом, сложном скоплении объемов видны надписи: «radio», «kino», «electro», «dina-mo», «auto», «aero»... «Teatro» еле просматривается, но, судя по всему, очень старается идти в ногу со временем. Яков Чернихов акварелью воспевает «Архитектуру индустрии». В анкете Большого театра в графе, где требуется «точно указать сословие или происхождение», Шостакович пишет: «Сын потомственного почетного гражданина» (отец Дмитрия Шостаковича до революции был главой палаты мер и весов). На обсуждении оперы «Леди Макбет Мценского уезда», идущей в том же Большом в 1935 году, товарищ Белова с Тормозного завода делает замечания о сцене порки: «Сергея как-то неестественно бьют, бьют по воздуху, а он все время вздрагивает». Впрочем, основные претензии к опере еще впереди — они будут опубликованы через год в «Правде» под заголовком «Сумбур вместо музыки».

Все это — на фоне хрестоматийных фотографий Аркадия Шайхета, Сергея Шиманского, Дмитрия Бальтерманца, Анатолия Скурихина: современники чествуют челюскинцев, проходят физкультурным парадом, умирают в блокаде. Получается групповой портрет эпохи с Шостаковичем на первом плане. Собственно, и изображения композитора здесь в большом количестве. «Портрет Мити Шостаковича» 1919 года работы Бориса Кустодиева, «Дмитрий Шостакович» Петра Вильямса, три рисунка Алексея Крученых с признаниями портретируемого: «Узнаю себя. Д. Шостакович. 27. IV. 1946». И один — на обложке журнала Time 1942 года — в пожарной каске на фоне горящего Ленинграда.

Неизвестный автор. Дмитрий Шостакович, Всеволод Мейерхольд, Владимир Маяковский и Александр Родченко во время работы над спектаклем «Клоп». 1929. Российский государственный архив литературы и искусства

Виктор Домбровский. На записи музыки к фильму «Встреча на Эльбе». Слева направо: Любовь Орлова, Эраст Гарин, Григорий Александров, Александр Цфасман, Дмитрий Шостакович. 1949. Российский государственный архив литературы и искусства